

М. Т. Аширбекова

О ПРЕДМЕТЕ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ГАРМОНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСОВ

В статье рассматривается проблема соотношения публичного и частного интересов в досудебном соглашении о сотрудничестве. Утверждается, что условия совмещения указанных интересов должны отражаться в определении предмета досудебного соглашения о сотрудничестве. Обосновывается, что целью рассматриваемого производства является обеспечение неотвратимости уголовной ответственности за совершение многоэпизодных тяжких преступлений, совершенных группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией). Данная цель отражает публичный интерес, заключающийся прежде всего в обеспечении устойчивости уголовно-правового регулирования. В связи с этим обосновывается необходимость уточнения нормативного определения предмета досудебного соглашения о сотрудничестве. Предлагается указывать в нем не только действия обвиняемого, выполняемые по соглашению, но и результат самого содействия. В подобных целях следует дополнить п. 2 ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ предложением следующего содержания: «в том числе сообщить достоверные сведения о соучастниках преступления, о совершенных ими преступных действиях, о размере имущества, денежных средств и иных ценностей, добытых ими в результате преступления, способах и месте их сокрытия».

Ключевые слова: дифференциация, соглашение, сотрудничество, показания, предмет договора.

М. Т. Ashirbekova

ON THE SUBJECT OF PRE-TRIAL AGREEMENT ON COOPERATION AND HARMONIZATION OF PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS

The article considers the problem of the relationship between public and private interests in the pre-trial agreement on cooperation. It is argued that the conditions for combining these interests should be reflected in the definition of the subject of pre-trial agreement on cooperation. Reasoned that the purpose of the considered production is to ensure the inevitability of criminal responsibility for committing serials serious crimes committed by group of persons, group of persons by prior conspiracy, an organized group or criminal community (criminal organization).

This goal reflects the public interest lies primarily in ensuring the sustainability of the criminal-legal regulation. In this regard, the necessity to clarify the regulatory definition of the subject of pre-trial agreement on cooperation; it is proposed to specify not only the defendant's actions to be performed under the agreement, but the result of the most assistance. For these purposes should be supplemented p. 2 hours 2 tbsp. 317.1 CCP proposal as follows: «including to report accurate information about accomplices, they have committed criminal acts, about the size of the property, cash and other valuables, obtained them as a result of the crime, the manner and place of their concealment».

Keywords: differentiation, the agreement, cooperation, testimony, subject of the contract.

Отчетливой тенденцией продолжающейся реформы уголовного судопроизводства является дифференциация процессуальной формы, выражающаяся в обособлении от общего порядка отдельных видов процессуального производства по уголовному делу. Одним из таких видов выступает производство, основанное на признании юридической значимости соглашения о

сотрудничестве между субъектами, осуществляющими уголовное преследование, и обвиняемым (подозреваемым), т. е. по правилам норм гл. 40.1 УПК РФ. Нельзя не отметить, что в таком соглашении обостренно проявляется извечная проблема баланса публичных и частных интересов. Эта проблема актуализируется за счет новых проявлений диспозитивного начала в

поведении подозреваемого, обвиняемого и публичного начала, выражаемого в возможности реализации дискреционного усмотрения властными субъектами досудебного производства и суда, пределы которого, надо сказать, законом четко не очерчены.

Производство с досудебным соглашением о сотрудничестве являет собой «энергосберегающую» технологию расследования многоэпизодных тяжких преступлений, совершенных группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией). Но главное предназначение этого производства, как думается, заключается в достижении публичного интереса по обеспечению неотвратимости уголовной ответственности за указанные преступления. На это справедливо обращает внимание М. Е. Кубрикова [1, с.132].

Следует отметить, что указание на данную цель, как правило, избегается в исследованиях, посвященных проблемам досудебного соглашения о сотрудничестве. Считается, что акцентирование этой цели неуместно по ряду причин, в том числе и потому, что в уголовном законе отсутствует принцип неотвратимости ответственности, а современная уголовная политика имеет явную гуманистическую направленность.

Однако речь идет не о наказании, а об уголовной ответственности, которая как правовое средство поддерживает развитие и реализацию охранительных уголовно-правовых отношений. Уголовная ответственность как вид юридической ответственности выполняет свойственную праву в целом организующую (регулятивную) функцию [2, с. 412]. Именно в этом смысле она должна быть неотвратимой. Суть неотвратимости ответственности не в том, чтобы за каждое преступление следовали санкции в виде наказания, а в непременном реагировании на него со стороны компетентных государственных органов, должностных лиц [3, с. 469].

В акцентировании указанной цели нет «ничего личного»: причина в работе механизма уголовно-правового регулирования. Другое дело, что отмеченный публичный интерес, достигаемый производством с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, должен гармонизироваться с частными интересами лиц, вовлекаемых в уголовный процесс. Очевидно, что он сочетается с интересом потерпевших от такого

рода преступлений, которые могли остаться не расследованными, если не было бы согласия на сотрудничество со стороны обвиняемого (подозреваемого). Ясно также, что такое соглашение должно быть свободно от возможных угроз для законных интересов обвиняемого (подозреваемого).

Само соглашение представляет собой уголовно-процессуальный договор. Данный договор — принципиально новый вид уголовно-процессуального акта, отличимый по своей природе от известных уголовному процессу актов — протоколов, процессуальных решений. Кроме того, он, по понятным причинам, отличается и от гражданско-правового договора, а также от других видов договоров, дополнительно регулирующих отношения между субъектами по отраслевому признаку (например, административный, конституционно-правовой договор и др.).

Но в любом случае уголовно-процессуальный договор прежде всего вид юридического договора, акт индивидуально-правового регулирования, направленный на установление уголовно-правовых и уголовно-процессуальных последствий. Потому же он выступает средством генерирования определенной группы факультативных внутренних правоотношений в рамках сложившихся и развивающихся обязательных уголовно-процессуальных правоотношений, возникших в результате реализации норм уголовно-процессуального закона в связи с общим порядком производства по уголовному делу. Таким образом, уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие в результате означенного соглашения — есть то особенное, что сосуществует с общим порядком производства по уголовному делу и способное в этом порядке раствориться, если возникнут негативные факторы, прекращающие данное соглашение.

Именно в этом договоре заложены условия совмещения публичного и частного интересов при производстве по уголовному делу по нормам гл. 40.1 УПК РФ. Эти условия, пользуясь цивилистической терминологией, вполне можно определить как существенные условия договора. В то же время в этих существенных условиях могут таиться и возможные противоречия публичного и частного интереса.

Известно, что к существенным условиям любого договора относят его предмет. Что же

является предметом соглашения о досудебном сотрудничестве?

Из содержания п. 6 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ ясно, что предметом соглашения являются буквально «действия, которые подозреваемый или обвиняемый обязуется совершить при выполнении им обязательств, указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве».

Видимо, тут имеет место техническая ошибка, поскольку действия, о которых идет речь в приведенном пункте, и есть обязательства. Иными словами, действия и обязательства четко не разграничены. Между тем о характере этих обязательств говорит содержание п. 2 ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ. Согласно п. 2 ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ обвиняемый (подозреваемый) в своем ходатайстве о заключении досудебного соглашения указывает, какие действия он обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления.

Поэтому, если подойти к указанному положению по аналогии с гражданско-правовым договором, то речь идет об услуге, которую обещает выполнить обвиняемый (подозреваемый), но не о результате осуществления этой услуги.

Законодатель в ч. 4 ст. 317.6 УПК РФ сразу же предупреждает, что в предмет соглашения не входят сообщения обвиняемым (подозреваемым) сведений о его собственном участии в преступной деятельности. Обвиняемый (подозреваемый) оказывает содействие в установлении фактических обстоятельств дела, не связанных с его личным участием. Он должен предоставить сведения в отношении преступной деятельности своих соучастников или даже других лиц, не связанных с ним общей преступной деятельностью. Предположим, что он такие сведения предоставил, но они по разным причинам не обеспечили искомого результата — не помогли раскрыть и расследовать преступление, изобличить других соучастников преступления, разыскать имущество, добытое в результате преступления. Формально, содействие было оказано, но оно оказалось безрезультатно с точки зрения публичного интереса.

Между тем на результативность содействия ориентируют положения пп. 2, 3 ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ, определяющие представление прокурора

как некий акт приемки выполненной обвиняемым услуги. В них прокурору предписывается отражать значение сотрудничества с обвиняемым для раскрытия и расследования преступления, изобличения и уголовного преследования других соучастников преступления, розыска имущества, добытого в результате преступления, а также преступления или уголовные дела, обнаруженные или возбужденные в результате сотрудничества с обвиняемым.

Эти же обстоятельства включены и в предмет исследования в судебном разбирательстве (пп. 2, 3 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ). Они указывают на необходимость установления результата содействия, а не только на констатацию содействия как такового.

Так или иначе видится необходимость уточнения нормативного определения предмета досудебного соглашения о сотрудничестве. В этих целях следовало бы дополнить п. 2 ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ предложением следующего содержания: «...в том числе сообщить достоверные сведения о соучастниках преступления, о совершенных ими преступных действиях, о размере имущества, денежных средств и иных ценностей, добытых ими в результате преступления, способах и месте их сокрытия».

Можно возразить против этого предложения, сказав, что и так ясно, что речь идет о результате содействия, поскольку публичный интерес заключается в обеспечении неотвратимости уголовной ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией). Ради этого и введен этот вид процессуального производства.

Однако, как думается, есть место для размышлений о чистоте теоретических положений, связанных вообще с категорией договор и его предметом, а также объектом порождаемых им правоотношений [4]. Уголовно-процессуальный договор (досудебное соглашение) формирует некий «анклав» процессуальной деятельности публичных и частных субъектов. В нем возникают правоотношения, определенные выше как внутренние, т. е. в смысле их развития в окружении общих уголовно-процессуальных правоотношений. Упор на внутренний характер правоотношений не случаен. Это объясняется тем, что объект этих правоотношений и есть предмет

договора (соглашения).

В общей теории права в качестве объекта правоотношений признаются не только блага или желаемое поведение субъектов, но и результат такого поведения. «Результаты поведения — это те последствия, к которым приводит то или иное действие или бездействие. Многие правоотношения и устанавливаются ради того, чтобы путем поведения лиц добиться определенного результата. В этом случае объектом правоотношения будет не само поведение, а именно результат поведения. Примером может служить правоотношение, возникающее на основе договора перевозки. ... Уполномоченное лицо (получателя) в этом договоре интересуется не определенное поведение лица обязанного (перевозчика), а непосредственно результат его действия — доставка груза в назначенное место в определенный срок». [5, с. 427].

Кроме проблемы ясного теоретического определения предмета рассматриваемого уголовно-процессуального договора, есть, как думается, и основание для постановки проблемы законодательного аспекта. Эта проблема также лежит на стыке совместимости публичного интереса (обеспечения неотвратимости уголовной ответственности за преступные действия соучастников) и частного интереса обвиняемого (подозреваемого), согласившегося на досудебное сотрудничество. Речь идет об оценке показаний такого обвиняемого, данных им в качестве свидетеля в отношении других соучастников. В этом плане интересен вопрос: действуют ли в отношении такого обвиняемого-свидетеля правила благоприятствования защите, а именно исключение уголовной ответственности за дачу ложных показаний в отношении других обвиняемых?

Одно дело, когда такой обвиняемый сообщает в отношении самого себя недостоверные, заведомо ложные сведения с целью уклониться от уголовной ответственности за вмененное ему обвинение. Такая ситуация, как отмечается в литературе, является способом защиты от обвинения и поэтому такое лицо должно освобождаться от уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ [1, с.165].

Другое дело, когда показания такого обвиняемого носят характер ложного доноса и никак не связаны с вмененным ему обвинением.

По этому поводу высказывается мнение о том, что такой обвиняемый должен быть осужден за ложный донос [1, с.165].

Однако, надо иметь в виду, что положение такого обвиняемого — пограничное и неоднородное. Он — и обвиняемый, и свидетель. Кроме того, он участвует в соглашении, инициированном им самим по собственному волеизъявлению. Неоднородность его состояния как раз и обнаруживает в отдельном моменте проблему совмещения публичного и частного интереса. Они, конечно же, должны быть сбалансированы, но при непременном уважении правила благоприятствования защите.

В то же время, это правило не должно означать возможность для обвиняемого давать ложные показания в отношении других соучастников. В противном случае искажается само предназначение производства с заключением досудебного соглашения. Ложные показания в отношении других соучастников, данные обвиняемым в рамках досудебного сотрудничества, — свидетельство того, что он взял на себя «притворные» обязательства, приведшие, в конечном счете, к безрезультатности производства по делу в соответствии с правилами гл. 40.1 УПК РФ. Санкцией за такое поведение может быть только одно — признание соглашения недействительным, как и любой сделки при таких обстоятельствах, и, соответственно, перевод производства по делу в общий порядок (ч. 3 ст. 317.6 УПК РФ).

Список библиографических ссылок

1. Кубрикова М. Е. Актуальные вопросы института досудебного соглашения о сотрудничестве: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013.
2. Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М., 1997.
3. Кожевников С. Н. Юридическая ответственность // Общая теория права: курс лекций / под общ. ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993.
4. Обыденков А. Н. Предмет и объект как существенные условия гражданско-правового договора // Журнал российского права. 2003. № 8. С. 61—67.
5. Бабаев В. К. Правоотношения // Общая теория права: курс лекций / под общ. ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993.

© Аширбекова М. Т., 2014